

Глава 2

Цуй Люй прекрасно понимал, что именно довело его до апоплексического удара.

Хотя помыслы Цуй Гу были черны и корыстны, в одном он оказался прав: Цуй Люй действительно впал в беспамятство от ярости, когда узнал, во сколько обошлись похороны его покойной супруги.

Цуй Юаньши, движимый сыновней почтительностью и втайне возмущенный скупостью отца, решил пойти на хитрость. Втайне от родителя он заказал гроб из драгоценного палисандра. К тому времени, как Цуй Люй обнаружил подмену, тело госпожи Цинь уже было облачено в погребальные одежды и покоилось в сандаловом ложе — менять что-либо было поздно. Старик Цуй и для самого себя не решился бы приготовить столь дорогое дерево, что уж говорить о жене? Сразу после похорон он призвал старшего сына к ответу, и в завязавшейся перепалке Цуй Люй, привыкший к беспрекословному подчинению, столкнулся с неожиданным отпором. Гнев его был столь велик, что он едва не отдал душу богу прямо на месте. Той же ночью он лег в постель, скрежеща зубами, и больше не смог подняться.

Однако это была их семейная распря, и Цуй Люй не собирался позволять посторонним совать нос в свои дела. Тем более он не потерпел бы попыток использовать этот повод, чтобы прибрать к рукам его власть и богатство. Цуй Гу коснулся запретной темы, «тронул чешую на горле дракона». Убийство двух шпионов было лишь малым наказанием, настоящую расплату Цуй Люй приберег на потом.

— Мой сын выбрал для матери палисандровый гроб — и в этом его великая добродетель, — ледяным тоном произнес Цуй Люй. — Моя супруга, госпожа Цинь, была главной госпожой клана Цуй. Она имела полное право на достойный уход, и почтение к ней должно быть делом всего рода. Мне прекрасно известно, что каждый из вас втайне готовит для собственных похорон, так почему же вы молчали, когда дело коснулось моей жены? Вы позволили мне пребывать в заблуждении. Если бы не Юаньши, я бы так и не осознал, что совершил ошибку, обойдясь со своей супругой столь скупой. Разве мать наследника рода Цуй не заслуживает того, чтобы покоиться в палисандре?

Раздался резкий звон — Цуй Люй с силой швырнул пустую чашу из-под настоя на пол. Осколки разлетелись во все стороны, а его мрачный, тяжелый взгляд медленно скользнул по присутствующим. Люди вжимались в стены, не смея поднять глаз. Острый осколок фарфора оцарапал щеку Цуй Гу, оставив кровавый след, но тот даже не рискнул поднять руку, чтобы вытереть рану.

Больше всего соплеменников поразило признание старика. Цуй Юаньши, всё это время стоявший с опущенной головой, вздрогнул и расправил плечи.

— Отец... — прошептал он дрожащими губами, не веря собственным ушам.

Никто из детей не мог представить, что их суровый родитель, никогда не признававший своей

неправоты, вдруг прилюдно возьмет вину на себя. Они застыли, лишившись дара речи.

Цуй Люй, не обращая внимания на лепет сына и замешательство толпы, властно объявил:

— С сегодняшнего дня всё управление поместьем Цуй официально переходит в руки моего сына, Юаньши. Ему же я вверяю ведение всех дел нашего клана. Моё здоровье еще не окрепло, и я не могу заниматься делами рода. Как наследник, он уже перешагнул тридцатилетний рубеж, и пришло время дать ему свободу действий, чтобы он набирался опыта. Впредь по всем вопросам обращайтесь к нему, мне же более докладывать не нужно.

Глаза Цуй Юаньши мгновенно покраснели от подступивших слез. Он с силой ударился лбом о пол, издав глухой звук.

— Отец, я проявил непочтительность, посмеяв перечить вам... У меня нет лица...

Цуй Люй не стал слушать его покаяния. Он перевел взгляд на брата, по лицу которого стекала кровь.

— Ты, — обратился он к Цуй Гу, — отныне не смеешь и шагу ступить в моё поместье. Твоя жена лишена добродетели; пока главная госпожа клана готовилась к погребению, она сеяла смуту и вносила раздор в мой дом. Ей назначено наказание: полгода в заточении в боковом крыле храма предков. После этого она будет изгнана из земель клана — пусть ищет себе другое пристанище. Ноги её не будут в родовом зале даже после смерти.

Снаружи донесся горестный вопль, но кричащую женщину быстро оттащили прочь. Цуй Гу метался, не зная, что делать: то ли бежать на помощь жене, то ли молить брата о пощаде. Но голос сверху зазвучал снова:

— Если бы не дети, которых она тебе родила, я бы как глава клана заставил тебя развестись с этой интриганкой. Позволить ей доживать свой век в отдельной усадьбе — это высшая милость, которую я могу оказать вашей чете. Цуй Гу, ты погубил своё будущее из-за этой женщины, до самой старости так и не разглядев её низких умыслов. К счастью, Байюань рос не под вашим присмотром, так что у второй ветви еще есть надежда на достойного преемника. Если ты не в силах расстаться с ней — я не стану удерживать, ступай вслед за ней. Вторую ветвь отныне возглавит Байюань, а делами его дома будет заправлять его супруга.

В этот момент в зал вошли мужчина и женщина. Остановившись в нескольких саженьях от главного кресла, они одновременно пали на колени и совершили земной поклон.

— Благодарим старшего дядю за милость, — произнес Байюань. — Мы с супругой принимаем вашу волю. Отныне мы будем строго следить за нашими домочадцами, чтобы они не смели впредь затевать ссоры и раздоры.

Цуй Гу окончательно растерялся. Он не понимал, как всё могло обернуться против него в мгновение ока: их с женой изгоняли, лишая всякой власти. Он лихорадочно искал поддержки среди старейшин, но те отводили глаза, делая вид, что их это не касается.

Цуй Люй всегда действовал решительно и жестоко, не терпя конкурентов под боком. Если бы он умер — всё было бы иначе, но старик вернулся с того света, и теперь он собирался выкорчевать каждого «злого духа», посмеявшегося покуситься на его владения. Цуй Гу с женой были лишь первыми жертвами, показательной поркой для остальных.

Остальные «обезьяны» в зале, зная крутой нрав главы, затаили дыхание. Многие уже мечтали поскорее убраться отсюда, чтобы унять дрожь в коленях.

«О боги, как страшно... Раньше он был похож на подземного демона с тонкими губами, скрывающими острые зубы, готовые в любой момент вонзиться в плоть. А теперь, после болезни, он и вовсе стал похож на иссохшую щепку. Бурая мантия висит на нем, как на скелете, и кажется, что в её складках он прячет десятки чужих голов, которые вот-вот начнет пожирать».

— А-а-а! Папа, я хочу домой! — не выдержал какой-то ребенок, встретившись взглядом с Цуй Люем.

Малыша тут же прикрыли рукой и поспешно потащили к выходу.

Цуй Люй медленно поднялся с кресла, опираясь на руку верного Цуй Чэна. Он обвел взглядом замерших старейшин.

— Скоро время осенней жатвы. Сбор доходов с общинных земель и арендную плату с моих полей я поручаю Юаньи. Те, кто привык жить за счет клана и при этом заглядываться на чужой кусок, в этом году останутся ни с чем. Этой осенью «Благодатной помощи» не будет.

«Благодатная помощь», или Фу-цзянь, была ежегодной традицией: после хорошего урожая клан раздавал часть зерна соплеменникам. Для многих семей это было долгожданным подспорьем.

Цуй-Котелок никогда не отличался щедростью. Эту традицию ввела еще старая госпожа, его мать, и поговаривали, что после её смерти Цуй Люй давно хотел покончить с этой «благотворительностью», да повода не было. Что ж, теперь повод нашелся.

Ждали смерти главы клана, плотоядно облизываясь? Хотели бесплатного зерна?

Забудьте.

Осознав смысл его слов, соплеменники заволновались. Это означало, что за порогом этого зала

им придется столкнуться с гневом своих домашних, а от иных можно было и в лицо получить.

— Племянник Люй, — робко подал голос один из старейшин, — быть может, не стоит так рубить с плеча? Ведь это была воля покойной госпожи — помогать сородичам. Если вы отмените помощь, как выживут те, кому нечем будет топить печь? Это может разгневать дух вашей матери... Не стоит действовать сгоряча, подумайте еще раз.

Цуй Люй не ответил сразу. На его лице проступила явная усталость, но в глазах по-прежнему горел холодный огонь.

— Третий дядя, — произнес он, в упор глядя на старика, — пока что глава клана здесь я. И я... еще не испустил дух.

Смысл был ясен: если хочешь распоряжаться — дождись, пока я умру.

Третий дядя осекся, лицо его потемнело от негодования. Взмахнув рукавами, он резко развернулся и вышел. Цуй Люй, не глядя ему вслед, обратился к детям:

— Идемте во внутренние покои.

Его лицо стало еще бледнее, но голос оставался властным:

— Позволили чужакам издеваться над собой в собственном доме... Только позорите отца. Хватит стоять на коленях, я еще жив!

За словами последовал приступ изнуряющего кашля. Цуй Юань и его братья тут же бросились к нему.

Соплеменники в зале к тому времени уже потихоньку ускользнули вдоль стен, оставив после себя лишь пыльные следы на полу.

Внутренние покои

Вскоре Цуй Люй в окружении детей вернулся в жилые кварталы поместья. Сюда же привели внуков, которых до этого держали взаперти. Все взгляды были прикованы к главе клана, лицо которого раскраснелось от кашля — нездоровый, лихорадочный румянец пугал близких.

В этих взглядах читалась тревога, почтение и страх, но никто не решался подойти ближе.

Цуй Чэн распорядился принести мягкую кушетку с толстыми перинами. Юань и старшая дочь помогли Цуй Люю устроиться поудобнее. Когда слуги вышли и двери плотно закрылись, дети и внуки один за другим опустились на ковер перед ним. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом одежд.

Устроившись поудобнее, Цуй Люй первым делом посмотрел на старшего сына.

Цуй Юань едва перешагнул за тридцать. Он был удивительно похож на отца в молодости: те же черты лица, та же манера держаться, отточенная годами воспитания в великом клане. В каждом его движении чувствовалась сдержанность и достоинство. Даже молча, одним своим серьезным видом он внушал уважение, а его статная фигура и мужественное лицо по-прежнему заставляли местных красавиц бросать на него робкие взгляды. В рейтинге молодых господ уезда Хуйцзюй он неизменно занимал одно из первых трех мест.

Глядя на сына, можно было представить, какой силой и статью обладал в свое время Цуй Люй. С годами его облик стал пугающим, внушающим трепет, но за маской суровости люди просто перестали замечать его природную красоту, видя лишь деспотичного лидера.

Цуй Люй был человеком, который мог не считаться даже с мнением уездного судьи. В его руках была сосредоточена добрая половина ресурсов всего уезда, а знамя его рода позволяло ему несколько десятилетий быть первым человеком в Хуйцзюе, с которым считались все.

И именно поэтому, придя в себя после первого обморока, он не мог поверить в то, что увидел в своих видениях. Лишь когда сны начали повторяться снова и снова, с пугающей четкостью впечатываясь в сознание, он был вынужден признать горькую правду.

Его клан Цуй был всего лишь курицей в чужой клетке. Золотой курицей.

Их использовали, чтобы они несли золотые яйца, а затем собирались зарезать на мясо, сделав их кости ступенью на чужом пути к успеху.

— Ха, — выдохнул Цуй Люй, — какая славная пьеса!

<http://bllate.org/book/16118/1580559>